

СТРОПІНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 3.
1 ФЕВРАЛЯ
1911 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VI.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Бегобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Бьялевская О. А. „Капель“. Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Кондурушинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Рассказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. „Слонъ“. Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все изданіе разошлось).

Карроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Джозъ. „Буйъ“. Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.* *Допущено* въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахѣева-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Сборникъ рассказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія* при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три рассказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и *признана заслуживающей вниманія* при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Рассказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1911 годъ.

Февраль № 3.

ЖУРНАЛЪ

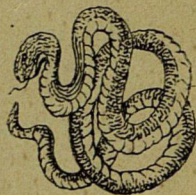
ТРОПИИКА.

XI - 1782

Содержаніе.

1. Сказъ о Змѣѣ—стихотвореніе *О. Бляевской*.
2. Дѣтская стараго волшебника—разсказъ *Рики-Тики*.
3. Цербетская принцесса (повѣсть изъ юности Екатерины II)—*Н. Манасеиной*.
4. Бѣлый медвѣдь—разсказъ *Чарльса Робертса*. Переводъ *И. Волина*. (Окончаніе).
5. Отголосокъ (народное преданіе)—*Е. Волочковой*.
6. Побѣдители сильныхъ (греко-персидскія войны)—*Поля де Сэнъ-Виктора*. Переводъ *Д. Коренева*.
7. Чудесное превращеніе (смѣшныя картинки).
8. Вѣсти отовсюду.
9. Почта „Тропинки“.
10. Для родителей и воспитателей о дѣтскихъ книгахъ.
11. Книги, поступившія въ редакцію.
12. Рѣшеніе задачъ.

Сказъ о змѣѣ.

ИЗЪ сырого изъ бора дремучаго,
Изъ-подъ черной колоды въ болотинѣ,
Выползаетъ на свѣтъ Божій черный Змѣй
Со своею Змѣихою черною,
Со своими семью змѣенятами.

Гдѣ скользятъ Змѣя тѣло холодное,
Тамъ травинки къ землѣ приклоняются,
Огоньки гасятъ цвѣтики алые,
Цѣпенѣютъ зеленыя квакуши,
Кузнецы и букашки ползучія.

Какъ подниметь Змѣй черную голову,
Какъ посмотритъ на красное Солнышко,
Станетъ Солнышко грѣть не по-лѣтнему,
Затуманятся зореньки алыя,
Желтый листъ на дорогу посыплется.

Радъ бы Змѣй погубить все живущее:
Куда самъ не поспѣетъ,—Змѣиху пошлетъ,
А куда и змѣенка котораго.
Такъ извелъ бы лють-Змѣй все живущее,
Да острастка на Змѣя положена:

Золотистыхъ не любить онъ ящерокъ,
Межъ камней бѣготни ихъ шуршанія,
Глазокъ свѣтлыхъ, какъ буски янтарныя,
Да не терпитъ еще головастиковъ,
А боится Змѣй бѣлаго аиста.

Какъ увидитъ на крышѣ соломенной
Колесо, для гнѣзда припасенное,
Повернетъ онъ къ болоту дремучему,
Подъ сырою колодою спрячется
Со своею Змѣихою черною,
Со своими семью змѣенятами.

О. Бѣляевская.

Дѣтская стараго волшебника.

ХОРОШО быть ребенкомъ,—говорилъ дядя Миша, задумчиво вертя въ рукахъ мою старую истрепанную куклу,— въ дѣтствѣ все кажется удивительно интереснымъ; всѣ эти игрушечные звѣри: медвѣжата, барашки и кролики, вполнѣ замѣняютъ живыхъ; всѣ куклы кажутся прекрасными... Хорошо быть ребенкомъ! Я иногда со слезами сожалѣнія вспоминаю свою дѣтскую.

— Да,—подтвердила, вздыхая, мама—но дѣти не цѣнятъ этого, имъ поскорѣе хочется стать взрослыми.

Я молчала, презрительно надувъ губы. Я очень люблю дядю Мишу, но терпѣть не могу, когда онъ говоритъ о дѣтствѣ. Всѣ игрушки кажутся живыми! Мой медвѣженокъ, на примѣръ, который даже не пищитъ, потому что внутри у него что-то испортилось,—ну, развѣ онъ похожъ на живого? Всѣ куклы кажутся прекрасными! Свою Лизу я вовсе не считаю красивой, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Володька вымазалъ ей щеки чернилами...

Странно разсуждаютъ эти взрослые. И потомъ, они очень любятъ фантазировать на нашъ счетъ. Дядя, на примѣръ, часто повторяетъ: „Дѣти такъ неутомимо бѣгаютъ и суетятся, что мнѣ иногда кажется, будто у нихъ за плечами трепещутъ маленькія прозрачныя крылья.“ Мнѣ кажется, что у меня крылья только тогда, когда я катаюсь на конькахъ, но, вѣдь, это позволяютъ такъ рѣдко... мама говоритъ, что я могу простудиться. Вообще, у дѣтей множество стѣсненій, и мнѣ хочется поскорѣе быть взрослой. Но я—самая маленькая въ

семь: сначала вырастетъ Таня, потомъ Володька... Боже мой, когда же я дождусь своей очереди?!

Я думала о всёхъ этихъ грустныхъ вещахъ, какъ вдругъ къ намъ позвонили—тихо, тихо.

— Кто это такъ нерѣшительно звонить?—сказала мама и пошла открывать дверь. Мнѣ тоже захотѣлось узнать, кто пришелъ, и я тихонько проскользнула въ переднюю. Тамъ стоялъ старенькій господинъ съ длинной бѣлой бородой, такой самой, какая бываетъ у волшебниковъ; онъ говорилъ:

— Вамъ, вѣроятно, покажется странной моя просьба... но я когда-то, давно, жилъ въ этой квартирѣ... я здѣсь родился.. позвольте мнѣ ее осмотрѣть. Теперь я очутился въ этомъ городѣ случайно, проѣздомъ; я, быть можетъ, никогда больше сюда не вернусь, и мнѣ хотѣлось бы вспомнить...

— Пожалуйста...—сказала мама и попросила гостя раздѣться. Потомъ она замѣтила меня и велѣла мнѣ принести свѣчу. Возвращаясь, я услышала, что мама говоритъ старичку:

— Это моя самая маленькая дочь...—и мнѣ стало обидно: очень нужно рассказывать чужимъ, что я—самая маленькая.

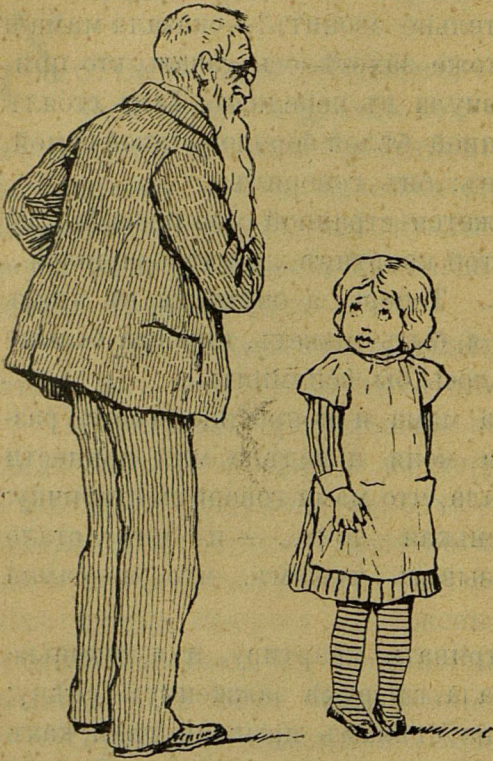
Мама повела гостя осматривать квартиру, и я тихонько пошла за ними. Мама держала въ рукѣ зажженную свѣчу; огонь колебался, и отъ этого по стѣнамъ прыгали тѣни, какъ таинственные черные зайчики; было немного страшно. Старый господинъ останавливался въ каждой комнатѣ, смотрѣлъ на стѣны и на потолокъ, вздыхалъ, улыбался иногда. Когда мы вошли въ комнату тети Сони, онъ долго стоялъ; опустивъ голову; потомъ у него задрожали губы и онъ сказалъ:

— Здѣсь была моя дѣтская.

Я заглянула ему въ лицо. Изъ подъ очковъ у него капали слезы.

Мнѣ стало такъ грустно, Боже мой, такъ грустно! И я быстро убѣжала, чтобы громко не расплакаться.

Въ этотъ вечеръ я много думала. Я забралась въ платяной шкафъ, чтобы никто не мѣшалъ моимъ мыслямъ, и сидѣла тамъ, пока не заснула. Смутно помню, какъ меня вытаскивали оттуда, раздѣвали и укладывали въ постель. Какъ только потушили лампу, я сейчасъ же крѣпко заснула, и до самаго утра мнѣ снились удивительные, чудесные сны.

Я заглянула ему въ лицо. Изъ-подъ очковъ у него капали слезы.

Мнѣ снился старенькій господинъ, съ бородой, какая бываетъ у волшебниковъ; онъ на самомъ дѣлѣ оказался волшебникомъ.

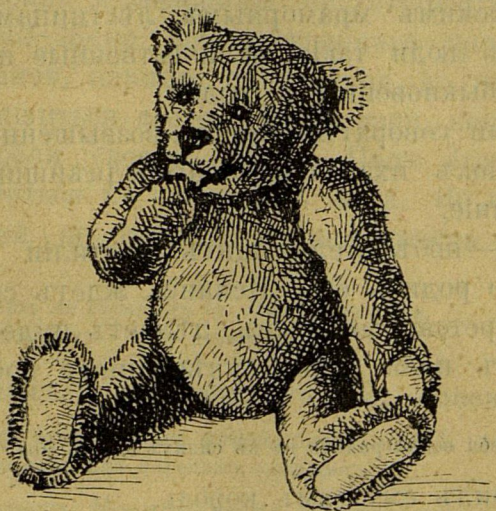
— Я покажу тебѣ, какимъ я былъ, когда мнѣ было девять лѣтъ, — сказалъ онъ, и его бѣлая борода развѣялась, какъ дымъ. Онъ сдѣлался маленькимъ и красивымъ, какъ пажъ на обложкѣ моей книги „О спящей царевнѣ“, и за спиной у него трепетали золотисто-оранжевыя крылья, такія самыя, какъ у бабочки-лимонки. Онъ стоялъ въ комнатѣ тети Сони; комната была уставлена игрушками, и всѣ онѣ были—живыя!

Медвѣженокъ сопѣлъ, какъ моторъ, обсасывая свою пух-

лую лапу; картонныя мыши, вставъ на заднія лапки, танцовали кадрили, изящно приподнимая хвостики, словно тренны бальныхъ платьевъ; бумажный змѣй леталъ самъ собою, виляя хвостомъ, а разноцвѣтные воздушные шары раздувались отъ удовольствія, что ихъ пустили подъ самый потолокъ. И надъ всѣмъ этимъ царилъ онъ, — маленькій волшебникъ съ золотисто-оранжевыми крыльями: всѣ игрушки, даже надменные генералы ожившихъ оловянныхъ солдатиковъ, были ему послушны, и глаза его горѣли отъ восторга, словно блестящія синіе камушки въ ожерельѣ тети Сони.

На слѣдующій день, къ вечеру, „красная шапка“ принесъ намъ отъ вчерашняго старичка пакетъ, въ которомъ оказалась восхитительная кукла; она говорила „папа“ и „мама“ (для этого ее надо было только потянуть за веревочку, висѣвшую внизу) и была совершенно, какъ живая. И хотя на пакетѣ было написано: „Самой маленькой дочери госпожи Л.“ — мнѣ это теперъ ничуть не было обидно.

Рики-Тики.

Цербетская принцесса.

(Продолженіе).

СНАЧАЛА Фикке слышитъ только ласковый звонъ красивыхъ французскихъ словъ. Какъ звучно и съ какой любовью произноситъ ихъ Кардель!

Но, вотъ словъ становится все больше, они, точно птицы, рѣютъ подъ низкими сводами маленькой комнатки. Имъ тѣсно въ ней. Крыльями бьются они въ потолокъ и стѣны и, вотъ, сдвинули ихъ. Заколебались, поплыли, раздвигаясь, старые камни и вдали исчезли вмѣстѣ со всею будничною, скучною, сѣрою жизнью.

По невѣдомымъ странамъ идутъ рука объ руку Бабетъ съ Фикке. Спускаются съ холмовъ, до которыхъ доносится звонъ и гулъ битвы, проходятъ по городскимъ улицамъ, мимо великолѣпныхъ храмовъ, мимо роскошныхъ дворцовъ, поднимаются по широкимъ мраморнымъ лѣстницамъ, а вокругъ нихъ движутся люди такіе величественные и могучіе, такъ непохожіе на обыкновенныхъ людей.

Все, что они говорятъ—сильно, возвышенно или страшно. Каждый поступокъ ихъ—или благороднѣйшій подвигъ, или ужасное злодѣяніе.

Вотъ Сидъ—побѣдитель, щитъ Кастиліи и ужасъ мавровъ. Отъ него родина его, Испанія, ждетъ спасенія, и онъ спасаетъ ее, борется, какъ левъ, дѣлаетъ чудеса храбрости и возвращается съ поля битвы, увѣнчанный побѣднымъ вѣнкомъ.

„Тебя вознаградить не въ силахъ власть моя!“

Такъ говорилъ ему самъ король.

Бабеть знаетъ пьесу почти наизусть. Въ этомъ мѣстѣ она уже не смотритъ въ книгу и декламируетъ:

„Отнынѣ Сидомъ (побѣдителемъ) будь, вотъ высшая награда.

Предъ именемъ твоимъ Толедо и Гренада

Пусть задрожать, и вся да вѣдаетъ земля

Кто ты и къмъ ты сталъ теперь для короля“.

А старикъ Гораций!

Его отвѣтъ: „Умереть!“ Бабеть читаетъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ. Этимъ словомъ онъ отвѣтилъ, когда его спросили, что долженъ былъ сдѣлать его единственный оставшійся въ живыхъ сынъ, когда на него наступали три противника. „Умереть!“ Смерть лучше позора, долгъ выше всего.

— Я никогда не думала, что такіе люди живутъ на свѣтѣ,—говоритъ Фикке.—Вы видали такихъ людей, Бабеть?

— Такими они должны быть,—отвѣчаетъ француженка.— Это большіе люди съ сильными чувствами. Это герои, Фикке. У Корнеля и Расина и женщины не уступаютъ мужчинамъ. Помнишь, Есѳиръ? Жена могущественнаго царя, властителя половины вселенной, царица, облеченная въ пурпуръ и діадему,—готова лишиться всего, даже жизни, когда узнаетъ о готовящейся гибели своего народа. Подъ страхомъ смерти нельзя было являться къ царю безъ зова. Но она идетъ къ нему. Смерть ей не страшна. Она должна спасти свою родину.

«Смерть не страшитъ ее. Она заговорила,
Все остальное—небо довершило».

Народъ спасенъ и прославляетъ свою спасительницу.

«Пусть прославляемо, воспѣто будетъ имя
Ея во всѣ вѣка народами земными!»

поютъ и славятъ Есѳиръ хоры израильскіе.

Эти пѣсни, всѣ эти торжественныя слова невольно запоминаются. Фикке не учитъ ихъ, но очень скоро знаетъ наизусть цѣлые монологи.

И, когда Кардель опускаетъ книгу и начинаетъ декламировать чей-нибудь монологъ, Фикке ждетъ, чтобы начать декламировать дальше. Такъ разыгрываютъ онѣ вдвоемъ цѣлыя сцены.

И Мольера Фикке полюбила. Онъ совсѣмъ другой, чѣмъ Корнель и Расинъ, у него пьесы смѣшныя, веселыя. Кардель рассказала, что Мольеръ самъ вышелъ изъ народа, потомъ былъ актеромъ, видѣлъ большой свѣтъ, подмѣчалъ его слабая стороны и высмѣивалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ.

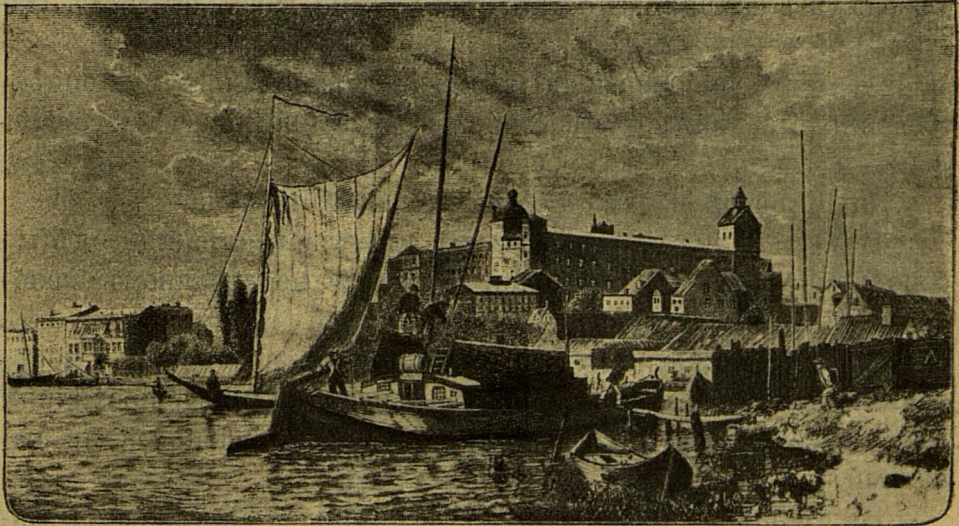
Мало-по-малу люди, о которыхъ Фикке читала въ книгахъ, вытѣсняли людей, которые жили съ нею, потому что люди эти новые были больше и ярче окружавшихъ ее. Такъ и дожила она съ ними до конца зимы.

Подошла весна. На дворѣ замка нѣжно зазеленѣла липа. Фикке стала меньше читать. Она много гуляла съ Кардель. Ходили онѣ по улицамъ Штеттина, заходили и на городскую площадь подъ липу, гдѣ обыкновенно собирались дѣти и въ городской садъ, гдѣ еще въ прошломъ году такъ много бѣгала и играла Фикке.

Но теперь она уже больше не бѣгала и не играла съ дѣтьми. Чинно сидѣла на скамейкѣ или медленно прохаживалась рядомъ съ Бабетъ по дорожкамъ, усыпаннымъ желтымъ пескомъ. Иногда она забывала, что уже взрослая. Ей тоже хотѣлось и побѣгать, и пошумѣть, и поиграть въ жгуты, жмурки или фанты. Но для дѣвочки двѣнадцати лѣтъ въ тѣ времена, когда уже у семилѣтнихъ отбирали куклы, такое поведеніе сочли бы въ высшей степени неприличнымъ.

И Фигхенъ спѣшила уйти отъ искушенія.

Въ эту весну, какъ и всегда весной, она часто вечеромъ ходила съ гувернанткой на набережную. Въ тихомъ Штеттинѣ набережная весной съ открытiемъ навигаціи была самымъ оживленнымъ и интереснымъ мѣстомъ. На пристани стояли готовые къ отплытію торговые суда, на берегу толпились

Штеттинъ. Видъ на рѣку Одеръ и на замокъ, въ которомъ родилась Фикке.

проѣзжіе и любопытные, приходившіе взглянуть на заморскіе корабли. Пахло дегтемъ, мокрымъ деревомъ и морскимъ канатомъ.

Кардель радовалась, когда видѣла французскія суда и при случаѣ всегда спрашивала, откуда они и куда идутъ.

— Изъ Ліона штофъ, парча, шелковыя матеріи. Въ Московію веземъ,—отвѣчали ей.

— Бургонское и шампанское въ Московію.

— Сукна изъ Англіи по заказу въ русскія войска.

— Фрукты въ Петербургъ.

— Давно ли считалось, что къ этой варварской странѣ нѣтъ ни прохода, ни проѣзда, — удивлялась Кардель. — А, вотъ, теперь все туда везуть и везуть. Еще на дняхъ Большагенъ говорилъ, что трудно себѣ и вообразить роскошь русскаго двора. Онъ увѣрялъ, что тамъ все богаче даже, чѣмъ въ Парижѣ.

— А это чьи корабли? Скажите, mademoiselle, чьи они? — спрашивалъ Фрицъ, указывая на суда, нагруженные строевымъ лѣсомъ.

Но Кардель и сама не знала, какія это суда.

Возлѣ нихъ на набережной толпились странно одѣтые бородатые люди. И говорили эти люди на странномъ непонятномъ языкѣ, немного нараспѣвъ.

— Это русскіе. Везуть строевой лѣсъ въ Испанію, — объяснилъ имъ кто-то изъ толпы. — А недавно здѣсь проходили тоже русскія суда съ грузомъ парусины, съ пенькой и канатами.

Въ Испанію! Фикке вдругъ вспомнился Сидъ, гроза мавровъ. Не отрываясь, смотрѣла она на еще не спущенные паруса. Освѣщенные закатнымъ солнцемъ, они четко выступали на синемъ небѣ и казались Фикке крыльями, готовыми подняться, чтобы летѣть въ далекія невѣдомыя страны.

И Московія ей вспомнилась. Та Московія, которую она знала еще по рассказамъ своей кормилицы Христи.

Снѣга. Люди въ звѣриныхъ шкурахъ.

— А что, Бабеть, вѣдь, въ Московіи этой теперь тоже весна?

— Не думаю. Тамъ, кажется, снѣгъ никогда и не таетъ, — отвѣтила скороговоркой француженка. Она всегда такъ гово-

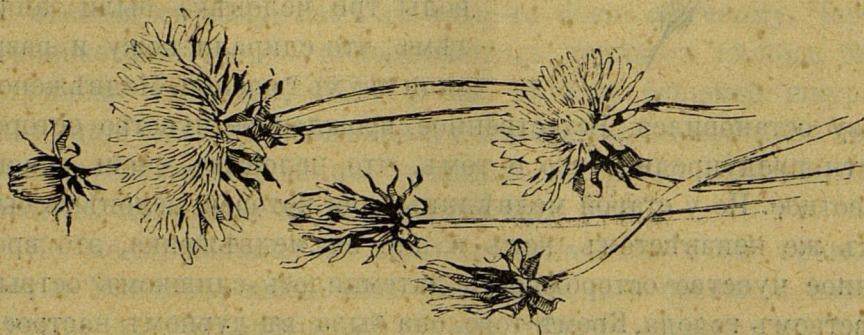
рила, когда ей хотѣлось перебѣжать отъ чего-нибудь совсѣмъ для нея неинтереснаго къ другому.—Недавно одна моя знакомая говорила мнѣ, что въ эту Московію съ открытіемъ навигаціи поѣхало много французовъ, модистокъ, портнихъ, парикмахеровъ. Они, говорятъ, тамъ нарасхватъ. Богачами возвращаются къ себѣ на родину.

Тихій весенній вечеръ спускается на городъ. Одеръ багровѣетъ въ послѣднихъ закатныхъ лучахъ. Отъ воды сильнѣе потянуло канатомъ и смолой. Фигхень съ гувернанткой и Фрицемъ идутъ домой. Окошки домовъ пылаютъ, какъ на пожарѣ.

Вотъ и дворъ замка. Здѣсь все уже потемнѣло.

Нехотя поднимается Фигхень по каменной лѣстницѣ въ третій этажъ. У нея такое чувство, точно она оставила весну на берегу голубой рѣки, тамъ, гдѣ неподвижно стоятъ корабли. Корабли съ крыльями-парусами, готовые летѣть въ далекія, невѣдомыя прекрасныя страны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣлый медвѣдь.

(Окончаніе).

КОГДА лѣто стало исчезать такъ же быстро, какъ и появилось, медвѣженокъ былъ неожиданно оставленъ одинъ на бѣломъ свѣтѣ. Случилось это такъ. Въ одинъ голодный день, когда охота его матери была неудачна, вѣтеръ принесъ черезъ скалистый хребетъ острый и упоительный запахъ свѣжей крови.

Осторожно, какъ кошка, поползла старая медвѣдица черезъ скалы, и медвѣженокъ ползъ за нею по пятамъ. Они никогда не видали ничего подобнаго тому, что увидѣли теперь. На самомъ берегу воды три человѣка были заняты тѣмъ, что сдирали кожу и разрѣзали двухъ тюленей. Медвѣженокъ

сразу остановился. Естественное, врожденное чувство осторожности предупредило его о томъ, что человѣкъ очень опасное животное. Но у старой медвѣдицы, для которой человѣкъ былъ такъ же неизвѣстенъ, какъ и для ея медвѣженка, это врожденное чувство осторожности затемнилось слишкомъ острымъ чувствомъ голода. Кромѣ того, она была въ дурномъ настроеніи и нашла, что незнакомцы безъ всякаго позволенія заняли принадлежавшій ей охотничій участокъ. На видъ они были ни-

чтожны эти люди, и она рѣшила, что можетъ расправиться съ каждымъ изъ нихъ однимъ ударомъ лапы.

Зеленые огоньки загорѣлись въ ея глазахъ, точно узкія змѣиныя головки и, хищно полураскрывъ челюсти, она двинулась на людей, ожидая, что они разсѣются при ея приближеніи и оставятъ въ ея неоспариваемое владѣніе всю добычу.

Когда она приблизилась, люди оставили работу, встали и начали смотрѣть на нее. Потомъ, видя, что у нея самыя серьезныя намѣренія, двое изъ нихъ отошли въ сторону и подняли что-то, что она приняла за двѣ длинныя палки, заблестѣвшія на солнцѣ. Одинъ изъ людей выступилъ впередъ и уставилъ по направленію къ ней палку съ такимъ видомъ, точно вызывалъ ее на поединокъ. Съ гнѣвнымъ ворчаньемъ двинулась она прямо на него. Изъ кончика палки выскочили огонь и громъ вмѣстѣ съ маленькимъ клубомъ голубоватаго дыма, который отлетѣлъ и растаялъ, какъ видѣніе, надъ волнами.

Въ то же мгновеніе медвѣдица рухнула впередъ прямо на морду и лежала неподвижно съ мозгомъ, пронизаннымъ пулею.

Это былъ великолѣпный выстрѣлъ, но человекъ, сдѣлавшій его, отнесся къ нему, какъ къ чему-то очень обычному. Черезъ нѣсколько минутъ съ неподвижнымъ теплымъ тѣломъ было поступлено такъ же, какъ и съ тѣлами тюленей: шкура у медвѣдицы была великолѣпная, а свѣжее медвѣжье мясо представляло собою изысканное кушанье, которымъ не могли пренебрегать полярные путешественники.

Но медвѣженокъ не былъ свидѣтелемъ этой кровавой работы. Увидавъ, какъ мать его упала, онъ бросился назадъ за скалы въ подавляющемъ страхѣ, потомъ повернулся и побѣжалъ изо всѣхъ силъ и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не могъ уже больше двигаться. Очутившись, наконецъ, въ защи-

щенной долины, где они съ матерью часто кормились нѣжными порослями, онъ заползъ подъ скалу и лежалъ цѣлыми часами, весь дрожа и боясь даже визжать.

Сначала бѣлый медвѣжонокъ испытывалъ весь ужасъ одиночества и страха, но еще болѣе настойчивыя мученія голода заставили его забыть свою потерю и въ поискахъ за пищей онъ мало-по-малу приноровился къ своему новому положенію.

Отъ природы умный, сообразительный и легко примѣняющийся, онъ чувствовалъ себя отлично. Когда долгая полярная ночь стала приближаться и бросать тѣни на ледъ и скалы, ребра его уже были покрыты великолѣпнымъ жиромъ.

Когда растительность въ долинахъ вся замерзла и стала, какъ камень, а потомъ и совсѣмъ исчезла подъ первымъ густо выпавшимъ снѣгомъ, онъ поддался дремотѣ, заповзавшей въ его нервы.

Вмѣстѣ съ этой дремотой въ немъ зашевелилось смутное воспоминаніе; онъ повернулся и направилъ свои шаги вглубь страны, подальше отъ рева волнъ и скрежета льдовъ, пока не достигъ наваленныхъ одна на другую скалъ съ узкими, какъ трещина, оврагами и вѣчными льдами. Это было то мѣсто, гдѣ онъ родился, и здѣсь, въ той же самой защищенной расщелинѣ свернулся онъ въ клубокъ для зимней спячки. Онъ уже спалъ глубокимъ сномъ, когда съ началомъ долгой ночи выпалъ снѣгъ и заботливо прикрылъ его.

II.

Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ мрака, пляшущихъ, какъ привидѣнія, сѣверныхъ сіяній и неизмѣримаго холода, медвѣжонокъ спалъ невозмутимо и во снѣ выросталъ.

Но когда онъ проснулся при первомъ намекѣ пробуж-

дающейсѣ весны, то проснулся сразу и почувствовалъ страшный голодь. Яростно выскочилъ онъ изъ защищавшаго его снѣга, встряхнулся и бросился бѣжать при таинственномъ разсвѣтномъ мерцаніи къ берегу океана, гдѣ надѣялся найти тюленей.

Онъ полагался отчасти на свою память, а отчасти на свой инстинктъ, но онъ не зналъ, что въ этомъ году опередилъ весну. Береговой ледъ еще не былъ раздробленъ, и путешествіе къ открытой водѣ было гораздо длиннѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Его ловкость обострилась голодомъ, и ему удалось подкараулить и убить одного неосторожнаго тюленя возлѣ входа въ его нору. Потомъ онъ улегся среди наваленныхъ ледяныхъ глыбъ и пролежалъ нѣсколько дней, раздѣляя время между ѣдой и сномъ. Его сила, крѣпость и увѣренность въ себѣ увеличивались съ часу на часъ, и онъ сталъ подвигаться впередъ, пробѣгая милю за милей подъ опаловымъ свѣтомъ полярнаго утра въ поискахъ за открытымъ моремъ.

Когда, наконецъ, онъ услышалъ, какъ волны разбиваются вдоль голубыхъ краевъ льда, услышалъ гомонъ морскихъ птицъ и крикъ тюленей, онъ почувствовалъ, что возвратился къ себѣ домой. Онъ забылъ о твердой землѣ, ему казалось, что и здѣсь земля была твердая. Онъ забылъ о долинахъ, гдѣ теперь таяли снѣга и начинали пробиваться нѣжныя травы. Здѣсь было хорошо охотиться и легко, и здѣсь онъ остался, устроивъ себѣ берлогу среди наваленныхъ льдинъ, пока желтое и голубое сіяніе полного дня не разлилось надъ пустынною землею.

Въ тотъ годъ не было бурь, которыя разбили-бы въ дребзги и уничтожили ледяныя поля съ ихъ наружныхъ краевъ. Только приливы да солнечные лучи дѣлали медленно свое дѣло.

Огромная глыба неразбитого льда отдѣлилась отъ земли и ее понесло къ югу полярнымъ теченіемъ.

Нѣсколько дней молодой медвѣдь не замѣчалъ того, что случилось. Ледяная глыба была слишкомъ обширна и тверда, чтобы вызвать опасенія. Но морскія птицы, разумѣется, все провѣдали и черезъ нѣсколько дней исчезли, разыскивая твердую почву для своихъ гнѣздъ. Что касается тюленей, то они не обращали вниманія на случившееся, находя, что ледъ для нихъ удобнѣе опаснаго берега.

Охота у молодого медвѣдя шла отлично. Ни единая буря не беспокоила его, а на встрѣчу плыло тепло лѣтняго дня. Нѣсколько недѣль онъ прожилъ въ полномъ довольствѣ.

Между тѣмъ солнце и море дѣлали набѣги на его ледяной островъ. Однажды, когда медвѣдь бродилъ вдоль его края, огромная глыба льда оторвалась, унося съ собою цѣлый холмъ. Удивленный и немного встревоженный медвѣдь переплылъ черезъ него, переплылъ узкое, но быстро увеличивавшееся пространство воды и вытѣзъ на главную льдину. Этотъ случай пробудилъ скрытый въ немъ инстинктъ, и ему стало не по себѣ. Направившись къ сѣверу, онъ шагаль прямо передъ собою цѣлыми часами и тамъ, гдѣ онъ ожидалъ увидѣть привычную гряду скалъ, передъ нимъ разстилалось море. Совѣмъ разстроенный продолжалъ онъ свои напрасные поиски твердой земли, забывая ѣсть, и скоро обошелъ кругомъ весь свой пловучій островъ. Нигдѣ не было земли, на которую можно было бы переплыть. Оставалось только покориться обстоятельствамъ съ возможнымъ хладнокровіемъ. Тюлени находились при немъ, и онъ не былъ обреченъ на голодь.

Потомъ разразилась буря съ ослѣпляющими наносами снѣга и огромными волнами, которыя громоздились на осла-

бывшій ледь. Пловучій островъ сталъ разбиваться на куски. Тюлени разбѣжались въ страшной тревогѣ. Медвѣдь пришелъ въ ярость отъ ужаса, а его снова и снова затирали сшибавшимися льдинами и только какимъ-то чудомъ онъ не былъ раздавленъ. Такъ какъ онъ былъ ловкій пловецъ, то ему удавалось снова и снова вскарабкиваться на болѣе крупную льдину, сохранявшую нѣкоторую устойчивость среди волненія. Но каждое подобное прибѣжище черезъ нѣсколько времени разбивалось, раздробляясь въ мелкіе осколки подъ ударами волнъ и льда. Наконецъ, когда его юная отвага почти совсѣмъ ослабѣла и силы всѣ вышли, ему посчастливилось взобраться на особенно крѣпкую и обширную глыбу льда, которая могла противустоять всѣмъ натискамъ бури.

Это была почти цѣлая настоящая горка по размѣрамъ и крѣпости, и въ ея серединѣ, забравшись въ трещину и притаившись тамъ, медвѣдь почувствовалъ, въ первый разъ съ начала бури, что-то похожее на чувство безопасности.

Между тѣмъ, сила теченія унесла льдину такъ далеко къ югу, что неизмѣнный свѣтъ полярнаго дня остался позади. Каждую ночь не надолго солнце ныряло изъ глазъ за открытую линію горизонта.

Въ теченіи трехъ дней большая льдина путешествовала среди неослабѣвавшей бури, обгоняя болѣе мелкія льдины и выдерживая натискъ волнъ, какъ судно, идущее полнымъ ходомъ. Мало-по-малу болѣе мелкія льдины исчезли, и большая льдина плыла одна. Потомъ вѣтеръ упалъ, послѣднія волны стихли, и медвѣдь очутился среди голубовато-стального, сверкающаго моря, подъ безоблачнымъ небомъ и такимъ жаркимъ солнцемъ, котораго онъ еще не зналъ.

Теперь начались для медвѣдя страданія голода.

Уже нѣсколько дней онъ не пробовалъ пищи и утолялъ

жажду тѣмъ, что лизаль ледъ и локаль изъ лужицъ. Только одинъ разъ онъ поѣлъ мяса: неосмотрительный бакланъ усѣлся возлѣ его неподвижной головы и былъ проглочень, такъ и не понявъ, откуда пришла его гибель. Бакланъ былъ единственнымъ обѣдомъ, птицъ больше не пролетало, тюлени не показывались, и ни единая рыба не приблизилась на столько, чтобъ ее можно было схватить. Съ каждымъ днемъ онъ становился все худѣе и слабѣе и долженъ былъ дѣлать усиліе, чтобы вползать на откосъ своего ледяного жилища. И съ каждымъ днемъ уменьшалась ледяная глыба, такъ что ледь могъ поспорить съ животнымъ, кто изъ нихъ скорѣе исчезнетъ подъ водою.

Но тутъ судьба вмѣшалась и положила конецъ этому соперничеству. Течение отнесло льдину въ то мѣсто моря, гдѣ проходили иногда суда. Однажды мимо нея прошелъ пароходъ, и кто-то съ палубы замѣтилъ прильнувшего къ льдинѣ медвѣдя. Море было спокойно, и капитанъ—свободень. Была спущена лодка и на нее посажена судовая команда для охоты на медвѣдя. Наслышавшись о свирѣпости полярныхъ медвѣдей, люди отправились, хорошо вооруженные и въ сильномъ возбужденіи. Но ожидавшая ихъ встрѣча обезоружила ихъ вполнѣ. Животное находилось въ слишкомъ безнадежномъ состояніи, чтобы бояться, злобствовать или удивляться и только обращало къ людямъ взглядъ со слабой мольбой о помощи, котораго нельзя было не понять. Но, относясь къ звѣрю съ естественнымъ недоувѣріемъ и боясь отвѣтственности, они все-таки слегка связали его, надѣли ему намордникъ и притащили на палубу парохода. Тутъ поваръ взялъ его подъ свое особое покровительство, далъ ему немного теплаго бульона и постепенно, заботливо питая его и лаская, вернулъ ему здорье.

Поправившись, молодой медвѣдь сдѣлался предметомъ восхищенія всѣхъ, находившихся на пароходѣ. Мѣхъ у него былъ богатый и красивый, бѣлизна его слегла оттѣнялась золотистымъ цвѣтомъ. Зубы его и когти были совершенны, а въ маленькихъ наблюдательныхъ глазахъ, которыми онъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило на пароходѣ, свѣтился необыкновенный умъ. Но, хотя онъ и не обнаруживалъ злого характера, однако никто, и даже самъ его добрый товарищъ-поварь, никакъ не могъ понять его неизмѣнной осторожной сдержанности и какой-то скрытности. Ко всякому, подходившему къ нему, онъ выказывалъ полное равнодушіе. Прикованный цѣпью къ желѣзной подпоркѣ возлѣ паровой кухни, онъ стоялъ, раскачивая свою узкую змѣевидную голову и помахивая ею изъ стороны въ сторону цѣлыми часами. Но ничто, совершавшееся внизу или наверху, не ускользало отъ его тонкой наблюдательности. Было ясно, что его равнодушіе происходило не отъ глупости, и поэтому всѣ на пароходѣ, начиная съ капитана, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Когда, наконецъ, послѣ благополучнаго путешествія, пароходъ достигъ пристани, это уваженіе еще увеличилось огромной цѣной, которую капитанъ потребовалъ за него у директора зоологическаго сада.

Здѣсь началась для молодого медвѣдя тяжелая жизнь.

Послѣ первыхъ, непріятныхъ своею новизною дней, эта жизнь совсѣмъ почти разбила и придавила его своимъ образомъ. Его желѣзная клѣтка была просторна—для клѣтки—и построена подъ тѣнью наклоненной скалы. Наполнявшаяся струей воды лужа у подножія скалы не давала жару южнаго лѣта дѣлаться совсѣмъ невыносимымъ. Но блестящія, смѣющіяся толпы людей, проходившія бесконечно передъ прутьями клѣтки, наполняли медвѣдя дикимъ бѣшенствомъ. И съ ка-

ждымъ днемъ все болѣе и болѣе жгучая тоска по родинѣ сжимала его сердце. Онъ жадно съѣдалъ пищу, приносимую ему сторожемъ, но по какому-то непостижимому капризу пренебрежительно относился къ землянымъ орѣхамъ, которые публика обыкновенно бросала ему сквозь рѣшетку. Онъ видѣлъ, какъ другіе медвѣди въ сосѣднихъ клѣткахъ пожирали эти маленькіе сухіе шарики и просили еще, но ему ихъ было не нужно. Онъ безпрестанно раздражался также на шумливыхъ воробьевъ, безстыдно мелькавшихъ передъ самымъ его носомъ, и каждую минуту лапа его ударяла безъ промаха одного изъ нихъ, давая на мгновеніе выходъ чувству раздраженія и обиды. Эту мелкую добычу онъ поѣдалъ съ особымъ вкусомъ и вкусомъ, котораго не испытывалъ, уничтожая самыя отборныя подачи своихъ тюремщиковъ.

Его тоскующее по родинѣ сердце забывало свое страстное стремленіе къ пустыннымъ пространствамъ, скалистымъ хребтамъ, и окаймленнымъ снѣгомъ цвѣтущимъ долинкамъ, забывало этотъ немолчный зовъ сѣверной природы — только въ тѣ мгновенія, когда спускались сѣро-лиловые сумерки. Тогда медвѣдь лежалъ никѣмъ не замѣченный въ своей прохладной лужѣ и могъ мечтать, что крики тюленей, доносившіеся изъ водоема черезъ садъ, были живыми криками утраченной имъ родины. Но приходъ сонныхъ сторожей спугивалъ мечту и загонялъ его снова подъ его скалу, гдѣ онъ стоялъ цѣлый день, качая головою и размахивая ею изъ стороны въ сторону.

Такъ медленно протянулось лѣто и наступилъ листопадъ, а медвѣдь, вмѣсто того, чтобы примириться со своимъ положеніемъ, сталъ еще угрюмѣе. Аппетитъ у него началъ пропадать и шкура теряла свою мягкость и живой блескъ. Сто-

рожа не знали, что съ нимъ дѣлать. Вначалѣ они надѣялись легко приручить его, судя по его видимой отзывчивости и умному взгляду его глазъ, но теперь они отказались отъ него, какъ отъ непримиримаго и считали, что онъ все равно скоро умретъ отъ тоски.

Когда пришла зима съ холодными дождями, изморозями, и морозами, изгнанникъ нѣсколько дней съ надеждой втяги-валъ въ себя воздухъ, но потомъ сталъ еще печальнѣе. Налетѣла снѣжная метель. Когда крупные хлопья стали падать на него, онъ обезумѣлъ отъ возбужденія, сталъ бѣгать съ поднятой головой по клѣткѣ, то соскакивая въ лужу, то вы-лѣзая изъ нея и насккивая на желѣзные прутья, точно въ какой-то дикой пляскѣ. Когда метель прошла, онъ ни на кого не смотрѣлъ и забылъ о ѣдѣ. Но черезъ день нѣжный снѣгъ исчезъ и медвѣдя мало утѣшала тонкая ледяная корочка, затянувшая края его лужи. Казалось, онъ чувствовалъ себя обманутымъ въ своихъ самыхъ дорогихъ надеждахъ и впалъ въ большее чѣмъ когда либо уныніе. Наконецъ, наступили дни, когда уже ничто не могло его извлечь изъ самага глубокаго угла клѣтки. Нѣкоторые сторожа думали, что онъ просто впалъ въ дремоту, предшествую-щую у него и на родинѣ зимней спячкѣ. Но одинъ изъ нихъ, болѣе знакомый съ дикими породами звѣрей, объя-вилъ, что это настоящее умираніе отъ тоски по родинѣ, и что стремленіе къ ледяному сѣверу съѣдало его сердце въ изгнаніи.

Городъ, гдѣ томился молодой медвѣдь былъ не осо-бенно южнымъ, и черезъ него изрѣдка проносился силь-ный сѣверный вѣтеръ съ ужаснѣйшими морозами и вью-гами. Въ одинъ прекрасный день съ ужасающей не-ожиданностью, послѣ сильной оттепели, налетѣлъ этотъ

вѣтеръ. Черезъ полчаса лужа замерзла, а вихри занесли клѣтку снѣгомъ.

Несчастный медвѣдь поднялъ голову и выглянулъ изъ своего логова. Но онъ не хотѣлъ быть снова обманутымъ. Онъ не вѣрилъ этой чуждой бурѣ и, повернувшись къ ней спиной, снова уткнулъ свой носъ между передними лапами.

Между тѣмъ морозъ быстро крѣпчалъ, вѣтеръ дѣлался безумнымъ и пронзительно визжалъ вокругъ клѣтки и по крышѣ. Снѣгъ, сухой и твердый, какъ рѣжущія иглы полярной ночи, падалъ такой плотной сѣткою, что за десять шаговъ ничего не было видно. Среди колеблющихся сугробовъ бѣгали сторожа и прикрѣпляли покрышки къ открытымъ клѣткамъ тѣхъ звѣрей, которые нуждались въ защитѣ. Холодъ, дикій вой вѣтра и острые удары снѣга, бившаго въ его клѣтку, заставили, наконецъ, медвѣдя подняться на ноги. Онъ медленно повернулся и подошелъ къ рѣшеткѣ.

Онъ очутился совсѣмъ одинъ и, казалось, дѣйствительно въ своемъ собственномъ мѣрѣ. Въ этой व्यогѣ была убѣдительность. Онъ не могъ не повѣрить острымъ ледянымъ кристалламъ, которые такъ упоительно рѣзали ему языкъ и раскрытую пасть. Это былъ настоящій снѣгъ: онъ кружился и наваливался вокругъ него. Это былъ настоящій ледъ: онъ трещалъ подъ нимъ, когда онъ сталъ погружаться въ лужу. Медвѣдь бѣгалъ въ клѣткѣ, прыгалъ съ восторгомъ, катаясь въ снѣгу, кусая, вдыхая его, охая ему на встрѣчу. Когда сторожъ подошелъ, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и заговорилъ съ нимъ съ сочувственнымъ пониманіемъ, онъ не увидѣлъ и не услышалъ. Для него метель разражалась надъ безграничными ледяными полями. Для его слуха яростный гулъ вѣтра замѣнялъ трескъ скрежещущихъ льдинъ.

Для его сердца это былъ призывъ сѣвера—и вдругъ это сердце отвѣтило. Онъ остановился неподвижно съ страннымъ недоумѣніемъ въ глазахъ, точно его всего пронизалъ ужасный ударъ. Потомъ зашатался на лапахъ и рухнулъ безжизненной кучей на заметенный снѣгомъ край своей лужи.

Перевелъ съ англійскаго *П. Волинъ*.

Отголосокъ.

ИЛИ въ одномъ селѣ мужъ съ женой, и была у нихъ дочка—одна единственная. Извѣстно, какъ одна, какая бѣ ни была, — хороша ль, худа, — а все отцу съ матерью мила.

Оба на нее не на-
смотрятся; милуютъ —

балуютъ, не знаютъ, во что бы лучше нарядить, какія бы обновы купить.

У самого на плечахъ кафтанъ худой, а дочкѣ справляетъ сарафанъ шерстяной. Матери сойдутъ и рваные коты, а дочкѣ сафьянные взяты. Да, правду сказать, — было кому и покупать. Ужъ больно дѣвка съ виду красива, высокая да стройная на диво. Щеки—маковъ цвѣтъ, а ужъ голосу—цѣны нѣтъ: про кручину ль запоетъ, — грусть за сердце заберетъ, а какъ ахнетъ плясовую, — пойдетъ и старый въ круговую.

Вотъ только этимъ и брала, а нравомъ недобрая была: вздорная да непокорная, всякаго засмѣетъ, кругомъ себя повернетъ, гордится своей красотой, идетъ—земли не чувствуетъ подъ собой. Только у нея и думы, чтобъ себя показать, а чтобъ отцу съ матерью помогать, этого отъ нея нечего было ждать. А коли и пойдетъ иной разъ на работу, всемъ отъ дѣла

отобьетъ охоту: пѣсни да игры заведетъ. Пѣсня дѣлу не помѣха, а у нея безъ дѣлъ потѣха.

Выбьется мать изъ силъ, скажетъ:

— Ты бы, дочка, подсобила скотину убрать.

— Вотъ, стану я руки марать.

Или пошлетъ ее отцу помогать, на возъ сѣно навивать.

— Некогда мнѣ, надо бусы низать.

А то еще лучше привычку взяла: какъ начнутъ на какое дѣло звать,—спрячется, не станетъ отвѣчать.

Зовутъ, зовутъ, да такъ вдвоемъ на работу и уйдутъ.

Только съ нея и толку, что заберется въ свѣтелку, новыя мониста примѣряетъ, на себя въ зеркало поглядываетъ, а какъ услышитъ, что ушли—въ садъ сойdetъ, ходить-гуляетъ, пѣсни распѣваетъ.

Крѣпко заболѣла разъ мать.

Не охота дочкѣ лишній разъ встать, больной пить подать: какъ-же—скоро семикъ подоспѣетъ, а ну какъ новый уборъ да не поспѣетъ!

Сидитъ себѣ у окна, напѣваетъ, спѣшно узоры расшиваетъ.

А отца нѣтъ—въ городъ отлучился. Во всемъ на дочку родную положился.

За окошкомъ черемуха вся бѣлая въ цвѣту. Распѣваютъ пташечки на бузиновомъ кусту.

Не стало терпѣнья у дочки сидѣть, такъ и подмываетъ на улицу выйти посмотреть.

Только встала, на мать поглядѣла, на ту бѣду половица заскрипѣла.

Мать очнулась, а дочка на прежнее мѣсто вернулась.

Хмурить брови черныя, сидитъ, а у самой въ головѣ такъ и кипятъ мысли непокорныя.

А тѣмъ часомъ, какъ на грѣхъ, на улицѣ пѣсни, визги, смѣхъ: парни да дѣвушки съ работы гурьбой прошли, смѣются межъ собой.

Какъ она тутъ всполыхнулась!

На материнъ зовъ не откликнулась, не оглянулась.

Бойтся, что мать уйти помѣшаетъ, стоитъ, ждетъ, дверей не отпираетъ, а того не знаетъ, что собралась ея родимая совсѣмъ отходить, хочетъ дочку въ послѣдній разъ благословить.

Окликнула ее мать разъ, другой, да и разсталось тѣло съ душой.

А дочка тутъ же на мѣстѣ, какъ стояла, такъ сразу невидимкой и стала.

Понашли сосѣди, пріѣхалъ отецъ—глядь-поглядь, пусто въ избѣ, лежитъ только мертвая мать. Стали дочку искать повсюду, охаютъ, ахаютъ, дивуются чуду. Да гдѣ найдешь, коли сгинула она съ глазъ людскихъ.

Съ глазъ людскихъ дѣвка сгинула, а все свѣту не покинула.

Ходить съ той поры по лѣсамъ дремучимъ, берегамъ рѣчнымъ, болотамъ пловучимъ.

Только по селамъ, деревнямъ да широкимъ полямъ пути ей заказаны.

Хочется попрежнему ей ликъ свой показать, да нельзя—надо отъ людей бѣжать. Въ буреломѣ да мху ноги увязаютъ, сучья еловые за косы хватаютъ, слезы горькія души не облегчаютъ, звонкій голосъ на все отвѣчаетъ.

По чащамъ лѣснымъ, да зарослямъ рѣчнымъ, знай впередъ летитъ, серебромъ надъ водой голосъ звучитъ.

Пѣсню ль кто запоетъ, на нее она откликъ даетъ; пастушій ли рожокъ поутру заливается—и на то она отзывается; на-

чнуть ли на рѣкѣ валькомъ бабы стучать, и на это должна отвѣчать.

Собака ль залааетъ, иль гусь закричитъ,—изъ лѣсу на все отголосокъ летитъ.

Ночью темной людъ крещеный, звѣрь и птица засыпаютъ, только отголосокъ въ темномъ лѣсу покоя себѣ не знаетъ.

За холмами, по селамъ и деревнямъ пѣтухи между собою порой полночной переключку начинаютъ предъ зарею,—и напѣвно черезъ луга и черезъ рѣкѹ слышенъ далекий откликъ: „ку-ку-ре-ку“.

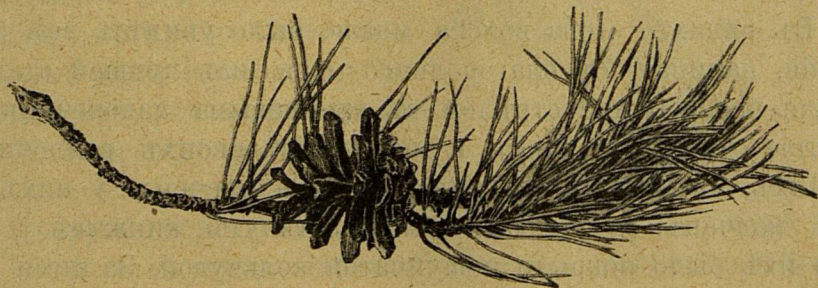
Въ храмѣ ль Божьемъ звонъ раздается, потревожа ночной деревни глубокой сонъ, изъ-за лѣса съ края до края надъ утихшею водою проплываетъ тотъ же звонъ.

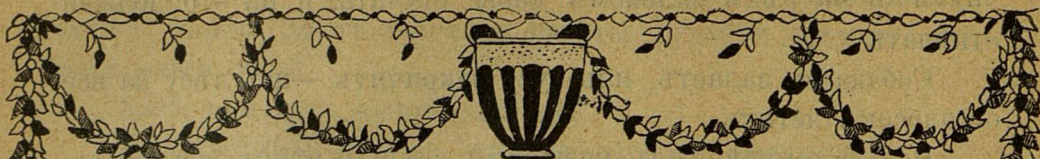
Чѣмъ погода краснѣй и ночью небо яснѣй, тѣмъ ей, бѣдной, тошнѣй.

Судьбу прокликаетъ—а все отвѣчаетъ.

Не отозвалась матери родимой въ ея смертный часъ, откликайся теперь на всѣ земные голоса безъ счету разъ.

Е. Волочкова.

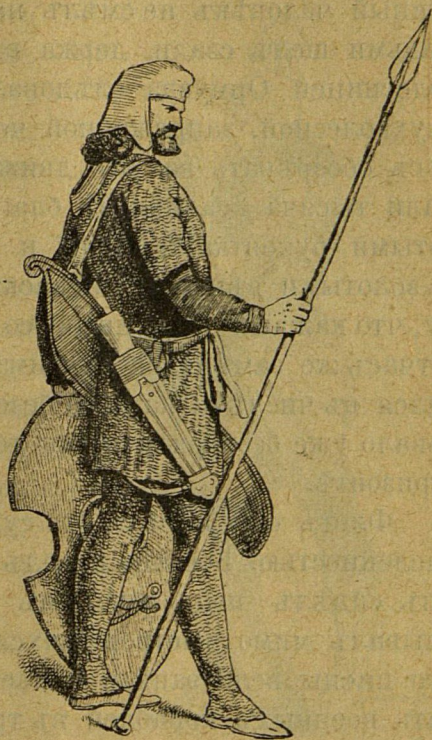
Побѣдители сильныхъ.

VI.

ДАРИЙ расшевелилъ все свое государство, чтобы двинуть его на Грецію, Ксерксъ же приподнялъ его до самаго основанія. Войско, собранное за четыре года, заключало въ себѣ почти всѣ извѣстные въ то время народы и племена азіатскіе и африканскіе. Говорило это войско на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, начиная отъ самыхъ звучныхъ и красивыхъ и кончая непонятнымъ дикимъ говоромъ. Всевозможные одежды и уборы пестрили его ряды. Доспѣхи, украшенные тонкой чеканкой, сталкивались и двигались бокъ о бокъ съ военнымъ плащомъ изъ звѣриной шкуры или изъ древесной коры.

Въ рядахъ этого войска можно было увидѣть всѣ роды оружія, начиная съ благороднаго меча изъ лучшей стали и кончая первобытной стрѣлой съ кремневымъ наконечникомъ. Шествѣ открывали персы и мидяне въ своихъ войлочныхъ шапкахъ, называвшихся кидарами. За плечемъ у нихъ висѣлъ колчанъ, за поясомъ былъ заткнутъ кинжалъ, а все тѣло ихъ было покрыто чешуйчатой кольчугой. За ними шли сирійцы въ мѣдныхъ каскахъ, потрясая желѣзными палицами. Стройные и тонкіе индусы, выступали въ своихъ одеждахъ изъ бумажныхъ тканей и несли бамбуковые луки, какъ будто собрались охотиться на газелей. Еѳіопы, выкрашенные попо-

ламъ въ бѣлую и пурпуровую краску, кутались въ шкуры пантеръ, а арабы — въ свои длинные плащи, подпоясанные узкимъ поясомъ. Лидійцы прикрѣпляли на свои мелко-курчавыя головы — головы лошадей съ ободранной кожей и съ гривой, развѣвавшейся у нихъ по плечамъ. Одни воины казались издали какими-то рыжими звѣрями въ своихъ полусапогахъ изъ оленьей кожи и курткахъ изъ лисьихъ шкуръ, другіе — фантастическими чудовищами, такъ какъ обувь у нихъ была красная, а къ щекамъ они себѣ прикрѣпляли бронзовые рога. Вокругъ этого безчисленнаго пестраго муравейника пѣхоты скакали и кружились, подымая пыль, восемьдесятъ тысячъ всадниковъ. А за всѣмъ этимъ войскомъ двигались еще безконечные ряды племенъ, забытыхъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли, полу-людей, полу-звѣрей.

Персидскій воинъ.

Посреди войска было оставлено пустое пространство и въ немъ выступала царская стража: тысяча отборныхъ всадниковъ и тысяча копьеносцевъ. Въ рукахъ у нихъ были опущенныя къ землѣ остриемъ копья, украшенныя золотыми гранатами. Десять великолѣпныхъ коней, покрытыхъ роскошными попонами, шли передъ колесни-

цей свѣтлаго бога Ормузда, которую везли восемь бѣлыхъ лошадей.

Эта колесница считалась священной и недоступной: ни единый человѣкъ не смѣлъ на нее вступать. Управлявшій лошадьми шелъ сзади, держа въ рукахъ возжи. За священной колесницей Ормузда слѣдовалъ Ксерксъ, стоя или лежа въ двухколесной, запряженной четвернею колесницѣ; съ нея онъ могъ обозрѣвать все это движущееся море головъ. Его окружали тысяча всадниковъ благороднаго происхожденія съ золотыми рукоятками мечей и десять тысячъ „безсмертныхъ“ съ золотыми вѣнками на каскахъ. Ихъ такъ называли потому, что каждый уволенный со службы или умершій человѣкъ тотчасъ же замѣнялся другимъ, такъ что отрядъ этотъ не мѣнялся въ числѣ и казался безсмертнымъ. Дальше войско слѣдовало уже безпорядочными толпами и конецъ его терялся на горизонтѣ.

Флотъ соперничалъ съ сухопутнымъ войскомъ и силой и численностью. Ксерксъ передъ отплытіемъ сдѣлалъ ему смотръ. Онъ сидѣлъ подъ золотымъ навѣсомъ своей галеры и проплывалъ мимо выстроившихся въ рядъ корабельныхъ носовъ. Его писцы вели записи и насчитали тысячу двѣсти семнадцать военныхъ кораблей въ три ряда весель, въ двѣсти гребцовъ и тридцать воиновъ и три тысячи грузовыхъ судовъ съ шестидесятью воинами каждое. Море никогда еще не поднимало такой тяжести. Нужно было производить гигантскія работы, чтобы пролагать пути такому шествію. Въ одномъ перешейкѣ, соединявшемъ мысъ съ твердой землею, былъ прорытъ каналъ такой ширины, что по нему могли пройти въ рядъ двѣ триремы на вѣхъ парусахъ. Въ проливѣ, отдѣляющемъ Азію отъ Европы, былъ сооруженъ мостъ изъ лодокъ, скрѣпленныхъ канатами. Работа, казалось, была исполнена крѣпко и основа-

тельно: дѣлали ее египтяне, привыкшіе созидать обширныя подземелья и воздвигать огромныя пирамиды, но разразилась буря и опрокинула мостъ однимъ взмахомъ волны. Ксерксъ пришелъ въ такую ярость, какъ будто бы море ударило не лодки, а ему самому дало пощечину. Онъ велѣлъ бичевать Геллеспонтъ и бросить въ его волны пару цѣпей.

— Ахъ, ты, горькая вода! — кричали бичующіе, хлеща морскую зыбь, — вотъ наказаніе, которое налагаетъ на тебя нашъ повелитель, за то, что ты причинила ему вредъ, тогда какъ онъ не сдѣлалъ тебѣ никакого зла. Царь Ксерксъ переправится черезъ тебя, все равно, хочешь ты этого или нѣтъ, лживое море!

Вотъ до какого безумія можетъ дойти человѣкъ, когда власть его не имѣетъ границъ.

Еще до Ксеркса восточные владыки наказывали иногда стихіи. Одинъ царь сталъ бить на жертвенникѣ огонь, который плохо разгорался, а про другого рассказываютъ слѣдующее: онъ велѣлъ сдѣлать себѣ тронъ изъ сандалнаго дерева, въ который впрягли четырехъ голодныхъ орловъ, а надъ головами ихъ повѣсили куски мяса. Орлы взлетѣли, желая схватить пищу и поднимались все выше, унося тронъ и сидящаго на немъ царя за облака. Тамъ царь всталъ во весь свой ростъ

Сирійскій воинъ.

и пустиль въ небо стрѣлу въ знакъ вызова. Третій царь, когда одна рѣка поглотила священнаго коня, сопровождавшаго его въ походахъ, поклялся, что отнынѣ женщины будутъ переходить эту рѣку по дну, не замочивъ своихъ одеждъ.

Цѣлое лѣто все его войско работало надъ прорытіемъ трехсотъ шестидесяти каналовъ; эти каналы раздробили и отвели воды рѣки. Она ползла по песку и не могла никогда больше собрать свои обмелѣвшія струи.

Мостъ, опрокинутый бурей, былъ быстро восстановленъ, и Кееркъ снова двинулся со своимъ войскомъ впередъ.

Достигнувъ одного высокаго мыса, онъ велѣлъ поставить себѣ на немъ мраморный тронъ. Сидя на этомъ тронѣ, онъ могъ обозрѣвать съ одной стороны свои сухопутныя войска, покрывшія весь морской берегъ, а съ другой—движеніе своихъ судовъ, заполнившихъ весь проливъ. Сначала, при видѣ такихъ силъ, царь объявилъ, что онъ счастливъ, но потомъ вдругъ лицо его омрачилось и онъ заплакалъ. Окружавшіе его сатрапы были такъ удивлены, какъ будто увидали, что брилліантовые глаза какого-нибудь божества роняютъ слезы.

— Я плачу, — произнесъ царь, — потому что сердце мое стѣснилось отъ жалости, при мысли, что изъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ и могучихъ людей черезъ сто лѣтъ не будетъ въ живыхъ ни одного.

Это была одна изъ свѣтлыхъ минутъ Кееркса, когда и у него появлялись глубокія мысли и человѣческія чувства.

VIII.

Прежде, чѣмъ вступить на исправленный мостъ, Кееркъ сдѣлалъ возліяніе морю, какъ бы желая уврачевать раны, нанесенныя ему бичеваніемъ и воскурилъ ему ѳиміамъ изъ золотой курильницы, которую бросилъ потомъ въ волны.

Начался переходъ войскъ. Онъ продолжался, безъ перерыва, семь дней и семь ночей. И во все это время бичъ и палка разгуливали по спинамъ воиновъ; они и шли и сражались подъ ударами. Такое возбуждающее средство не можетъ вызвать восторженнаго увлеченія и вести къ побѣдѣ.

Свободныхъ, гордыхъ грековъ должно было глубоко возмущать подобное обращеніе съ воинами. Одинъ спартанскій перебѣзчикъ, продавшійся Персіи, на вопросъ Ксеркса: „посмѣютъ ли греки защищаться?“ далъ прекрасный отвѣтъ. Видя персидскія войска, движущіяся подъ ударами бичей и палокъ, онъ почувствовалъ себя снова грекомъ. Греческая гордость приподняла его униженную измѣной душу и прозвучала въ его словахъ:

— О царь! Знай, что бѣдность — подруга Греціи, но съ нею сочетается добродѣтель, дочь мудрости и закона. Этотъ законъ повелѣваетъ грекамъ не отступать передъ многочисленностью и побѣдить или умереть въ рядахъ.

Ксерксъ раземѣялся надъ этимъ отвѣтомъ.

По словамъ перебѣзчика выходило, что одинъ грекъ могъ противустоять тысячи персамъ!

Войско продолжало двигаться дальше, выпивая на своемъ пути цѣлыя рѣкѣ, съѣдая цѣлые поля и города. За годъ до начала похода по всему предполагавшемуся пути войскъ было отдано повелѣніе готовить „трапезу царя“.

Съ тѣхъ поръ все, лежавшіе на пути, города только и дѣлали, что мололи муку и откармливали скотъ и птицъ для Ксеркса. Одинъ городъ истратилъ болѣе трехъ милліоновъ на наши деньги, чтобы накормить одинъ разъ этого всепоглощающаго гостя.

Ужасъ и голодъ шли во главѣ персидскаго войска. вмѣстѣ съ племенами Азіи въ Европу явились и ея жестокія божества, которымъ приносились человѣческія жертвы.

Въ началѣ религія персовъ была свѣтлая и прекрасная: они поклонялись огню, видѣли въ немъ божество, высшую силу, которая озаряетъ и согрѣваетъ людей и природу, побѣждаетъ мракъ и страхъ, уничтожаетъ все нечистое. Но потомъ къ этому поклоненію стали присоединяться другія вѣрованія, поклоненіе другимъ темнымъ и жестокимъ божествамъ. Ксерксъ не только принесъ въ жертву встрѣтившейся на пути большой рѣкѣ нѣсколько бѣлыхъ коней, но, узнавъ, что мѣстность, гдѣ было его войско, называлась „девять путей“, велѣлъ зарыть въ землю живыми девять греческихъ юношей и девять молодыхъ дѣвушекъ. Какъ должна была содрогнуться греческая земля, принимая эти жертвы, прекрасная и добрая земля, которой греки поклонялись въ образѣ богини Деметры, что значитъ „мать-земля“.

Дойдя до огромной равнины, Ксерксъ рѣшилъ сосчитать свое сухопутное войско. Считать по одному человѣку было невозможно. Тогда придумали слѣдующій способъ: отсчитали десять тысячъ человѣкъ, согнали ихъ въ одну тѣсную, плотную кучу и очертили по землѣ кругъ вокругъ нея. Потомъ по этой чертѣ выстроили стѣну, вышиною по грудь. Все войско толпами, одна за другой, входили, тѣсясь, въ эту ограду. Такимъ образомъ считали сразу десятками тысячъ и насчитали миллионъ семьсотъ тысячъ пѣхоты и восемьдесятъ тысячъ конницы. При этомъ не считали ни верблюдовъ, ни военныя колесницы, возницы которыхъ, въ соединеніи съ людьми на тысячѣ двухстахъ триремахъ, составляли войско въ два миллиона триста семнадцать тысячъ воиновъ. Въ этотъ счетъ не входили еще народы и племена, которыхъ вербовали по всему пути, рабы, повара и цѣлыя своры собакъ, бѣжавшія съ воємъ за войскомъ. Казалось, ничто человѣческое не

могло устоять передъ этимъ шумнымъ, пестрымъ, необъятнымъ потокомъ. Онъ долженъ былъ все поглотить одной своей численностью.

IX.

Маленькая Греція ждала, когда на нее обрушится страшный ударъ. Повидимому, не могло быть никакой надежды. Спротивленіе для разумныхъ людей казалось безуміемъ. Персы перехватили греческихъ шпіоновъ. Имъ должны были отрубить головы, но Ксерксъ велѣлъ провести ихъ передъ своимъ войскомъ и отослать къ грекамъ, чтобы они имъ рассказали обо всемъ, что видѣли. Шпіоны, увидавъ безчисленное персидское войско, вернулись въ ужасѣ къ своимъ, крича и предсказывая пораженіе. Измѣна и страхъ, какъ предсмертная дрожь, пробѣжали по всей странѣ. Два большихъ города измѣнили родинѣ. Одинъ отказалъ въ помощи, другой обѣщаль помочь, но не исполнилъ обѣщанія. Иные города послали врагамъ землю и воду. Но земля и вода, соединившись, образуютъ грязь, которая и покрыла ихъ навѣки. Они исчезли изъ исторіи и не участвовали больше въ великой жизни своей родины.

Въ ужасѣ греки обратились къ помощи боговъ.

Аѣины послали двухъ гонцовъ въ городъ Дельфы, гдѣ находился храмъ бога солнца Аполлона, славившійся своими прорицаніями. Принеся жертву богу, посланные вошли въ подземную пещеру, гдѣ находилась жрица Аполлона, Пиѳія, передававшая его предсказанія людямъ.

Гонцы ждали утѣшенія, но изъ глубины пещеры раздался страшный гулъ, и Пиѳія яростнымъ голосомъ стала выкрикивать имъ предсказанія самыхъ страшныхъ бѣдствій. Какъ пораженные громомъ и молніей, упали посланные на каменные

плиты пещеры, но, придя въ себя, не рѣшились отнести ужаснаго пророчества Аѳинамъ, чтобъ не лишить ихъ смѣлости и силъ. Еще разъ пришли они въ храмъ и стали умолять Аполлона, чтобы онъ далъ болѣе милостивый отвѣтъ, говоря, что, не получивъ этого отвѣта, останутся и умрутъ въ храмѣ. На этотъ разъ грозный богъ смилостивился и отвѣтъ Пиѳіи прозвучалъ надеждой:

— Зевсъ даруетъ Аѳинамъ спасеніе за деревянными стѣнами.

Нашелся человѣкъ, который мудро объяснилъ это неясное предсказаніе Пиѳіи. Этотъ человѣкъ жилъ въ Аѳинахъ, звали его Темистокль. Онъ былъ бѣденъ и невысокаго происхожденія, но выдвинулся впередъ, благодаря своей сильной волѣ и смѣлости. Онъ понялъ, что Аѳинамъ грозитъ опасность не только съ суши, но и съ моря, сталъ обучать людей морскому дѣлу и собралъ цѣлое войско на двухстахъ галерахъ. Видъ этого маленькаго флота придалъ Аѳинамъ смѣлости. Отвага чувствуется въ людяхъ, ввѣряющихъ себя вѣтрамъ и волнамъ.

Когда посланные принесли отвѣтъ Пиѳіи, всѣ стали толковать ея пророчества буквально. Что могли означать эти „деревянные стѣны“, какъ не древнюю деревянную ограду внутренней городской крѣпости, Акрополя? За этой оградой и должны были спрятаться граждане и оттуда защищаться отъ нападенія враговъ.

Но часто слишкомъ прямое толкованіе пророчества умерщвляетъ его скрытый смыслъ. Надо найти именно этотъ смыслъ, этотъ духъ, оживляющій и спасающій. Темистокль подъ словами пророчества увидалъ одухотворявшую его мысль.

— Деревянные стѣны, — сказалъ онъ, — это корабли. Аѳиняне должны покинуть древнюю ограду Акрополя, покрытую

червоточинами, и спасеніе свое искать на галерахъ, этихъ новыхъ надежныхъ крѣпостяхъ.

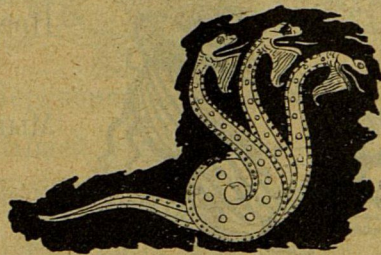
Объясненіе Темистокла было принято, и юный греческій флотъ выступилъ въ море. Передъ отплытіемъ еще разъ были отправлены посланные къ Дельфійскому оракулу, и тотъ далъ совѣтъ молиться Вѣтрамъ. Греки принесли жертву богу вѣтровъ, Борею, и, вотъ, надъ моремъ поднялся вихрь. Три дня и три ночи бушевала буря и разбила четыресто персидскихъ военныхъ кораблей, потопила половину находившихся на нихъ людей и уничтожила множество судовъ съ припасами. Персидскіе жрецы, маги, стоя на берегу, испускали страшный вой и кричали заклинанія, чтобы усмирить бурю, но греческіе вѣтры не слушали варваровъ.

Затихнувъ на одинъ день, они съ еще большей силой набросились на персидскіе корабли и уничтожили многіе изъ нихъ.

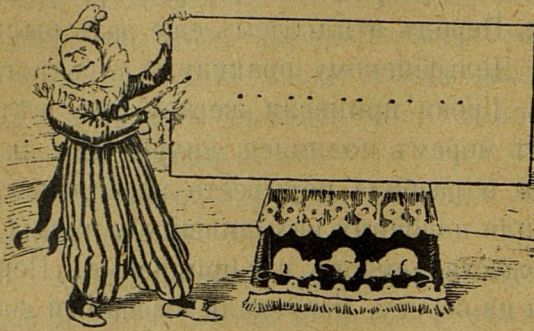
Галеры грековъ стояли въ это время въ затишьѣ и почти не пострадали.

Бури навели ужасъ на персовъ. Сквозь вздымавшіяся волны, въ брызгахъ разбрасываемой вихрями пѣны имъ мерещились смутно лики разгнѣванныхъ боговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чудесное превращеніе.

Вниманье, господа!

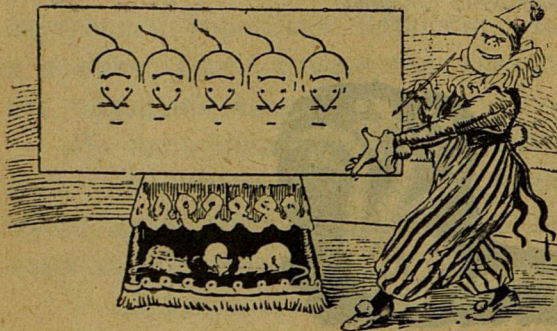
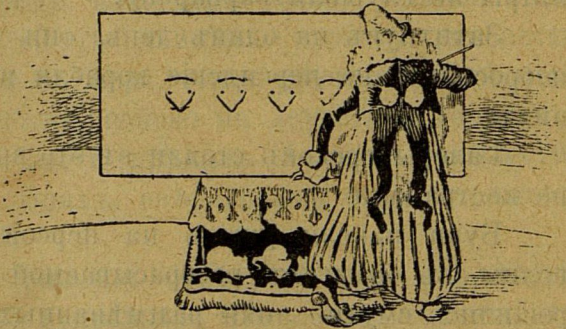
Я десять точекъ ставлю.

Вы видите ихъ, да?

Теперь еще прибавлю

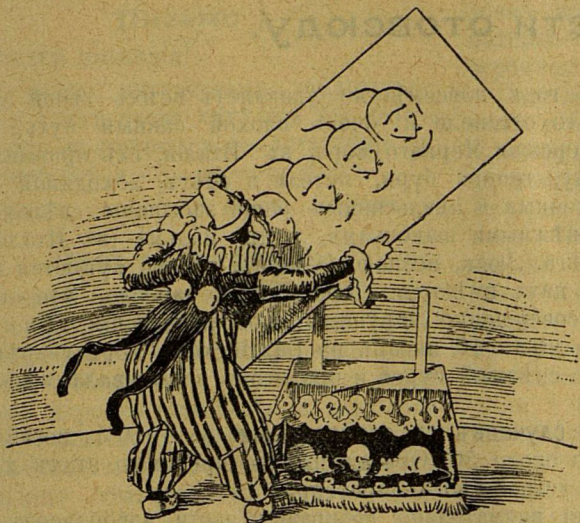
Я нѣсколько штри-
ховъ,

И вотъ, въ одно мгно-
венье

Предъ вами рядъ го-
товъ

Мышей на заглядѣнье!

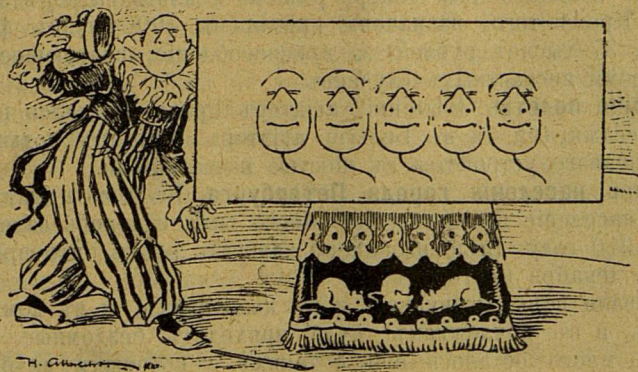

Но удивить я васъ

Хочу еще сильнѣе

И подь конецъ при-
пасъ

Сюрпризъ вамъ по-
важнѣе.

Переверну картонъ:

Мышей ужъ больше нѣтъ,

И, пять разъ повторень,

Предъ вами мой портретъ.

Вѣсти отовсюду.

Странная зима. Этотъ годъ повсемѣстно удивляетъ всѣхъ своєю погодой: на сѣверѣ Европы то оттепели и очень плохой санный путь, то морозы. На Кавказѣ, у побережья Чернаго моря, въ Италіи, гдѣ привыкли къ вѣчному солнцу и теплу, теперь бури, метели и снѣгъ, доходящій до 2¹/₂ арш. глубины. Всѣ лимонныя и апельсинныя рощи засыпаны снѣгомъ, расцвѣтшія розы покрыты снѣжными шапочками, листья пальмъ (въ Италіи) опустились подъ гнетомъ снѣга. Люди, незнающіе шубъ, теперь кутаются во всѣ одежды, какія только у нихъ имѣются. Дороги такъ занесло, что онѣ стали непроѣзжны: поѣзда совершенно нарушили свои расписанія. Многія деревни отрѣзаны отъ всего міра. 10 января на Балтійскомъ морѣ свирѣпствовалъ сильный штормъ со снѣжной бурей и при этомъ вспыхивала молнія безъ грома.

Причины несчастныхъ случаевъ съ аэропланами. За 1910 г. погибло 30 авиаторовъ, а искалѣчено около 50. Оказалось, что причиною этихъ несчастій является небрежное устройство аппаратовъ.

Второныхъ недостаточно внимательно собираютъ части аэроплановъ и не успѣваютъ испытать ихъ. Теперь рѣшено усилить надзоръ за выпускомъ аппаратовъ. Кроме того, назначена премія въ 100 тысячъ франковъ (на наши деньги 37 тысячъ рублей) за приспособленіе, спасающее летуна отъ гибели во время несчастныхъ случаевъ.

Послѣдніе полеты. Нѣмецкій авиаторъ Граде поднялся на монопланѣ съ тремя пассажирами, а въ Бельгіи авиаторъ Соммеръ подымался на бипланѣ собственнаго устройства съ шестью пассажирами.

Перепись населенія города Петербурга. Въ десять лѣтъ разъ пересчитываютъ населеніе этого города. Много силъ и денегъ затратили на это дѣло и въ 1910 году. Было назначено записать всѣхъ, кто проведетъ ночь съ 14 на 15 декабря въ городѣ.

Записывали всѣхъ живущихъ и въ квартирахъ, и въ комнатахъ, и въ гостиницахъ, и въ ночлежкахъ, куда приходятъ бездомные бѣдняки. Но думаютъ, что много осталось еще и такихъ, у которыхъ не было и гроша для ночлежки, и которые ночевали гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ. Такіе въ списокъ не попали.

По спискамъ оказалось въ Петербургѣ 1.900.500 жителей, т. е. безъ малаго 2 милліона. Для сравненія приведемъ число жителей въ другихъ столицахъ. Въ Лондонѣ около 5 милліоновъ, въ Парижѣ около 3 милліоновъ, въ Нью-Йоркѣ около 6 милліоновъ и въ Москвѣ—около 1 милліона.

Почта „ТРОПИНКИ“

Письмо I.

Милая редакция!

Я очень интересуюсь землетрясениями и мнѣ очень хотѣлось бы знать, можетъ ли случиться землетрясение въ Петербургѣ и его окрестностяхъ?

Льсной.

Иванъ Жуковъ.

Отвѣтъ редакціи.

Земной шаръ состоитъ изъ внутренняго ядра и наружной оболочки, называемой земной корою. Внутренній жаръ земли постепенно ослабѣваетъ, при этомъ ядро ея сжимается, а наружная кора оказывается слишкомъ большой и начинаетъ морщиться. Для примѣра возьмите обыкновенный ручной пульверизаторъ. Когда вы накачиваете воздухъ, то средній шаръ надуть, и сѣтка охватываетъ его плотно, если же вы перестаете накачивать воздухъ, шаръ начинаетъ сжиматься, и сѣтка не лежитъ уже гладко по его поверхности. Если бы вмѣсто сѣтки была плотная матерія, то вы еще яснѣе увидали бы, что она начинаетъ морщиться и ложиться складками. То же самое происходитъ и съ земной корою: внутреннее ядро сжимается—наружная обо-

лочка морщится. Только то, что на матеріи—складки, на земномъ шарѣ—огромныя горы, цѣлые горные хребты.

Сжимается земная кора, морщинится, какъ кожа на рукѣ стараго человѣка, а составляющіе ее пласты при этомъ сдвигаются, сползаютъ, перемѣщаются. Внутри коры образуются иногда пещеры, потомъ обваливаются. Тамъ, гдѣ земная кора очень сильно начинаетъ горбиться, изгибаться и морщиться, она разрывается; образуются трещины, сдвиги, сбросы огромныхъ глыбъ, и все это сопровождается толчками и колебаніями, которые и называются землетрясеніемъ. Значитъ, землетрясенія бывають большею частью около складчатыхъ горъ. Тамъ же, гдѣ пласты, образующіе земную кору, лежатъ ровно или гдѣ горы сплошныя, изъ одной породы, а не изъ различныхъ напластованій, тамъ сдвиговъ, сбросовъ и оползней быть не можетъ, и, слѣдовательно, не можетъ быть и землетрясенія.

Петербургъ расположенъ на равнинѣ, нанесенной рѣкой Невой. Около него нѣтъ складчатыхъ горъ, такъ что землетрясенія намъ бояться нечего.

Для родителей и воспитателей о дѣтскихъ книгахъ.

Гага Крамаренко. Въ Камчатку. Отъ Петербурга до Камчатки и въ Японію. Путешествіе 11-ти-лѣтняго школьника, описанное имъ самимъ. Съ 20 отдѣльными иллюстраціями на мѣловой бумагѣ и многими рисунками въ текстѣ, исполненными съ фотографій, снятыхъ его отцемъ, Г. А. Крамаренко. Издано подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Бродовскаго. Ц. 1 р. 75 к. Петербургъ.

Книга эта могла бы имѣть интересъ только въ томъ случаѣ, если бы ее написалъ очень талантливый, чуткій и наблюдательный ребенокъ. Тогда можно было бы сохранить неприкосновенными всѣ особенности и даже всѣ ошибки дѣтскаго своеобразнаго языка, интересныя для взрослыхъ. Если же давать книгу дѣтямъ, то слѣдовало проредактировать ее тщательно, въ смыслѣ удаленія длиннотъ, ненужныхъ повтореній и грубыхъ ошибокъ. Г-нъ Бродовскій поступилъ иначе: онъ „сгладил“ дѣтскій слогъ, уничтожилъ своеобразие и оставилъ ненужныя подробности, повторенія и даже ошибки.

Въ предисловіи, написанномъ редакторомъ для „оправданія“ книги, онъ говоритъ:

„Она (книга) интересна, какъ матерьялъ для чтенія... она сообщаетъ *массу* фактовъ, любопытныхъ и поучительныхъ не только для дѣтей, но, пожалуй, и для взрослыхъ. И вдобавокъ, она знакомитъ съ невѣдомой, почти совсѣмъ неизученной у насъ, самой дальней окраиной—Камчаткой, пока еще загадочной, но которой, очень можетъ быть, предстоитъ большая будущность“.

Къ сожалѣнію, читая книгу, убѣждаешься, что это совсѣмъ не такъ, какъ кажется редактору. Читать о томъ, какъ „я (Гага) всталъ, умылся, одѣлся, выпилъ чаю, пообѣдалъ, поужиналъ (чаще всего плотно), страдалъ болью живота отъ битковъ, съѣденныхъ въ ресторани, очень усталъ, легъ спать“, какъ „меня отъ качки укачало“ и т. д. и т. п.—совсѣмъ не интересно. „*Массы* фактовъ любопытныхъ и поучительныхъ не только для дѣтей, но и для взрослыхъ“ мы тоже ни находимъ. Едва ли поучительны описанія всякихъ охотъ, ружей различныхъ системъ, знакомствъ съ высшими чинами всѣхъ встрѣчныхъ пунктовъ и перечень лентъ для кинематографа, добытыхъ отцемъ автора. Описаніе охоты на медвѣдей производитъ тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе: „Я, пустивъ три заряда въ медвѣдицу, началъ стрѣлять въ медвѣженка. Съ перваго же моего выстрѣла онъ кувырнулся, потомъ подобрался къ своей матери и легъ рядомъ съ ней. Миѣ стало такъ жалко, когда я увидѣлъ, что раненый медвѣжонокъ подползъ къ своей матери, чтобы вмѣстѣ умереть! Но я *взялъ себя въ руки*, прошелъ около 50 шаговъ и выстрѣлилъ ему въ голову. Онъ все еще былъ живъ. Тогда я подошелъ близко и уложилъ его“. И далѣе въ описаніи другой охоты на медвѣдя: „Папа позволилъ миѣ добить его, и я выпустилъ ему двѣ пули въ голову“.

Дѣйствительно, „любопытно и поучительно“!

Неприятное впечатлѣніе производитъ также разсказъ о томъ, какъ авторъ „хоталъ до упаду“ надъ однимъ изъ „нашихъ людей“, камчадаломъ, который прорубалъ дорогу въ заросляхъ тальника съ опасностью свалиться, причемъ его облѣпляла и кусала злая мошкара. Самъ же Гага, вопреки заявленію редактора, совсѣмъ не испыталъ особыхъ невгодъ и лишеній во время своего путешествія. Онъ ѣхалъ съ отцемъ сначала, въ

купъ I-го класса, потомъ на катерѣ, еще дальше на вьючныхъ лошадяхъ, а „наши люди“ исполняли всю тяжелую работу и „не знали усталости“. Что же касается „загадочной“ страны—Камчатки—она такъ и остается до самаго конца книги неразгаданной.

Въ книгѣ попадаются выраженія: „раздѣть сапоги“, „отодвинулась занавѣсъ“, „мы ея не стали трогать“, „охота съ монтекристами“, „онъ началъ мнѣ объяснять, чтобы стрѣлять медвѣдя по лопаткамъ. Это камчатское выраженіе“. „Стрѣлять по лопаткамъ“—камчатское выраженіе, но „объяснять, чтобы стрѣлять“—это не камчатское выраженіе, да и не русское также.

Отъ всѣхъ этихъ и отъ множества другихъ ошибокъ, попадающихся почти на каждой страницѣ, долженъ былъ избавить юнаго автора редакторъ. Вѣдь, онъ обѣщалъ въ предисловіи „постараться устранить тѣ неправильности и неточности, которыя *недопустимы*, по педагогическимъ соображеніямъ въ книгѣ, предназначенной для чтенія дѣтямъ“.

Конечно, отчето не писать 11-ти лѣтнимъ мальчикамъ и такіе дневники. Можно и посвятить его мамѣ. Для нея дневникъ имѣетъ неоспоримый интересъ, но для постороннихъ читателей, для взрослыхъ онъ не любопытенъ, а для дѣтей можетъ быть даже вреденъ.

Городъ и деревня. Картинки изъ дѣтской жизни. Рисунки А. Эйснера. Текстъ Н. Юрьина (Бенедикта). Изданіе А. С. Суворина. Ц. 2 р 50 к.

Любятъ дѣти красочные рисунки. Нужны они и глазамъ ихъ и душѣ. Дѣти правы, но не дай Богъ никому изъ нихъ такихъ красочныхъ рисунковъ, какіе помѣшены въ книгѣ „Городъ и деревня“. Были бы рисунки безъ красокъ,—яснѣе выступили бы ихъ неправильность и убожества, и, авось, дѣти не стали бы ихъ долго разсматривать, а то—краски, это привлекаетъ, задерживаетъ вниманіе и... портитъ вкусъ. Мы вполне сочувствуемъ будкѣ игрушечнаго солдата на первомъ рисункѣ: у этой будки крыша встала дыбомъ отъ ужаса, и она повернулась къ комнатѣ спиною, когда увидала не только принадлежности дѣтской спальни, изображенныя до мельчайшей подробности, но и своего хозяина Леву, положеннаго злымъ художникомъ къ самой желѣзной печкѣ. Что же было бы съ чувствительной булкой, если бы она пересмотрѣла всѣ рисунки до конца да и текстъ прочла бы кстати! Прочла бы она, что:

„Умывальникъ Левинъ
Къ стѣнкѣ сталъ *тишкомъ*“.

И про Ваню прочла бы:

„Видитъ Ваня мой коровушекъ, телятъ,
И они ему *всю* душу веселятъ.“

Узнала бы, какъ авторъ, въ погонѣ за римою, заставилъ собаку „Жучку“ гоняться за „тучкою“, явленіе, никѣмъ еще никогда не наблюдавшееся въ природѣ.

Это и еще многое другое, но въ томъ же родѣ, встрѣтила бы чувствительная и стыдливая будка на протяженіи 28-ми страницъ, и что-стало бы тогда отъ ужаса и потрясенія съ ея крышей и съ нею самой—предсказать мудроно. А намъ, когда мы прочли и просмотрѣли „Городъ и деревня,“ стало грустно.

Хорошо еще, что эта книга стоитъ 2 руб. 50 коп. Дойдетъ она до немногихъ,

Царевичъ Малышъ Текстъ С. Городецкаго. Картины Гавса Пелларъ. Изданіе Т-ва Вольфъ. Ц. 3 р. 50 к.

Говоря объ этой книгѣ, приходится, напротивъ, пожалѣть, что она такъ дорого стоитъ и поэтому доступна далеко не всѣмъ дѣтямъ. И текстъ и рисунки здѣсь одинаково поэтичны и очаровательны. Это подлинная сказка со всѣмъ ея великолѣпіемъ и нѣжностью. Текстъ и рисунки точно сплетены въ одно цѣлое тонкими мягкими нитями пестраго шелка. Какъ очаровательна принцесса Людмила съ заплаканными глазами въ напудренномъ парикѣ и широчайшей юбкѣ. Какъ удивительно нѣженъ и сказочно-печаленъ пейзажъ, среди котораго сидитъ она на другомъ рисункѣ передъ Солнечною Змѣйкой. Царевна наигрываетъ на дудочкѣ, которая поетъ:

„Грустно, грустно жить на свѣтѣ,
Ахъ, ду-ду!
Вечеркомъ и на разсвѣтѣ
Въ теремочкѣ и въ саду
Я одна, одна на свѣтѣ,
Ахъ, ду-ду.

А Солнечная Змѣйка отвѣчаетъ, позвякивая чешуйками:

Пѣсни грустныя, молчите,
Слезы, глазокъ не темните!
Ди-лин-динь.
Солнце по небу летаетъ,
Счастье близко поджидаетъ,
Ди-лин-динь..

Какъ трогателенъ Малышъ, царевичъ Мелюзгацкаго царства. И онъ и всѣ его подданные были велики и прекрасны, но страшная старуха, царица Злыдень, превратила ихъ въ глухыхъ малявокъ. И, однако, эти малявки сумѣли жить такъ, что у нихъ не убивали и не наказывали. Вы уже предчувствуете, что царевна Людмила пожалѣетъ бѣднаго маленькаго царевича, полюбитъ его за его доброту и своимъ поцѣлуемъ сниметъ колдовство съ него и со всего его царства. Дѣти тоже это предчувствуютъ.

И отлично. Спасеніе отъ зла любовью—это древняя, какъ міръ, и вѣчно новая сказка. Она близка, понятна и желанна дѣтямъ.

Какъ жаль, что у насъ невозможно давать всѣмъ книги съ такими великолѣпными красочными рисунками, какіе мы находимъ въ „Царевичъ Малышъ.“ У насъ красочные рисунки или очень плохи, или недоступно-дороги. Будемъ надѣяться, что со временемъ и наши дѣти—всѣ получатъ возможность съ малыхъ лѣтъ разсматривать рисунки, способные развивать ихъ художественный вкусъ. Тогда, какъ написалъ и повторилъ царевичъ Малышъ царвицѣ Людмилѣ:

„Будеть очень хорошо.“

Книги, поступившія въ редакцію.

1) **Живой Родникъ.** Книга первая и вторая. Для чтенія въ школѣ и дома. Составили: В. Ананьинъ, А. Насимовичъ, В. Гусаковъ, Н. Чернышовъ, Г. Марковъ, Н. Чукаевъ. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Ц. первой книги 30 к., второй—50 к.

2) **Пособіе къ изученію Священнаго Писанія Новаго Завета для школы и семьи.** Къ тексту евангельской исторіи 16 иллюстрацій. Составилъ магистръ богословія протоіерей Николай Александровъ. Ц. 1 р.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 24-мъ №. 1910 г.

Ребусъ № 9. Гроза бьетъ по высокому дереву.

Шарада № 14. У-си-къ.

Шарада № 15. Пе-сокъ.

Шарада № 16. Рубка—губка.

Шарада № 17. Сто-рона.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ во 2 - мѣ №.

Ребусъ № 1. Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ.

Шарада № 1. Лучи—на.

Всеобщій журналъ литературы, искусства, науки и общественной жизни. II годъ изд. Изданіе совершенно новаго въ Россіи типа—по образцу популярнѣйшихъ иностр. иллюстр. ежемѣсячников (Je sais tout и др.), предназначенныхъ для самаго широкаго круга читателей. Программа „Всеобщаго Журнала“ исчерпываетъ отъѣлы всѣхъ обычныхъ толстыхъ журналовъ. Живой откликъ на всѣ выдающіяся событія современности. Исключительное вниманіе обращено на художественность и изящество изданія. „Всеобщій Журналъ“ богато иллюстрируется оригинальн. рисунками, портретами и репродукціями съ картинъ павѣстныхъ художниковъ. Въ каждой книжкѣ до 100 художественно исполненныхъ иллюстрацій; многие на отдѣльныхъ листахъ въ нѣсколько красокъ. Вышли №№ 1 и 2. Содержание № 1. Проф. В. Сперанскій.—„У великой могилы“. С. Сергѣевъ-Пенскій.—Вѣра, Надежда, Любовь. Осипъ Дымовъ.—Признаніе. Борисъ Лазаревскій.—„Бредъ“. Вл. Ленскій.—Душа волосъ. В. Базилевичъ.—Л. Н. Андреевъ—его жизнь и творчество. А. Львовичъ.—Н. И. Пироговъ. Б. Шлецеръ.—Музыкальная жизнь. К. Арабажинъ—Театральные отклики—стилизация. Альфредъ Капюсъ.—Робинзонъ—романъ. Францъ Штукъ.—Очеркъ съ репродукціями. Тирольскій рѣзчикъ.—Скульптура изъ дерева. К. Викторовъ.—Нашъ воздушный флотъ. Библиографія. Критика. Книжные новости. Со всего міра. Стихи: С. Городецкаго, Л. Андрусова, Дм. Цензора, Саши Чернаго, Л. Василевскаго, П. Карпова, Г. Галиной Шаржи, С. Городецкаго; Ф. Соллогубъ, А. Ремизовъ и В. Муйжель. На отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги, наклеенныхъ на отдѣльныя паспарту: Л. Н. Толстой, Л. Н. Андреевъ—трехцвѣтная печать. Въ № около 100 иллюстрацій. Содержание № 2. Проф. В. Святловскій.—„Геній Тихаго океана“. Е. Колтоновская.—„Пути и настроенія молодой литературы“. С. Гусевъ-Оренбургскій.—„Перпетуевъ“. Графъ Ал. Н. Толстой.—„Пастухъ и Маринка“. А. Ремизовъ.—Къ морю-океану. А. Вережниковъ.—„Калифъ на часъ“. Л. Василевскій.—„Принципы театра для народа“. З. Л.—Воздушная армія. Вагнеръ и Листъ—ихъ переписка. М. Соломоновичъ.—„Огюсть Роденъ“—очеркъ съ репродукціями. П. Рыссъ.—„Женщина-раба (письмо изъ Италіи). Маркони—Безпроводочный телеграфъ. Библиографія. Книжные новости. Со всего міра. Стихи: А. Рославлева, Вл. Ленскаго, И. Эрэнбурга, Ал. Липецкаго и друг. В. Каррикъ—шаржи: Вл. Короленко, С. Городецкій. На отдѣльномъ листѣ мѣловой бумаги, наклеенномъ на цвѣтномъ паспарту; О. Роденъ. Въ № около 100 иллюстрацій. Подписная цѣна: на годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к. Заграницу—8 р. Допускается разсрочка: 4 р. при подпискѣ и 2 р.—1-го марта. Отдѣльная книжка 65 коп. безъ перес. 80 коп. съ перес. Списокъ сотрудниковъ печатается въ журналѣ. Адресъ Гл. Конторы Редакціи „Всеобщаго Журнала“ — С. Петербургъ, Невскій, 114. При подпискѣ ссылаться на это объявленіе.

Музыка еженедѣльникъ. Москва, Остоженка, Троицкій пер., д. 4, кв. 1. Телеф. 210—98. Подписная цѣна: на годъ 5 руб. на $\frac{1}{2}$ года 3 руб. Отдѣльный № съ перес. 15 коп. №№ вышедшіе въ ноябрѣ и декабрѣ, подписчики получаютъ бесплатно. Видя въ музыкѣ, какъ и воообщѣ въ искусствѣ, одно изъ высшихъ проявленій культурной жизни, редакція еженедѣльника будетъ стремиться оказывать поддержку всему, что способствуетъ росту и широкому распространенію въ обществѣ музыкальной культуры. И, наоборотъ, редакція будетъ бороться со всѣми явленіями, враждебными свободному развитію музыкальнаго искусства. Полагая идею культуры не отдѣлимой отъ идеи преемственности, музыка соединитъ исканія новаго съ уваженіемъ и любовью къ прошлому. Въ вышедшихъ книжкахъ музыки помѣщены статьи: Леонида Сабанѣва („Современныя теченія въ музыкальномъ искусствѣ“, „Прометей“ А. Скрябина), Вл. Держановскаго, В. Иванова („Московскіе городскіе концерты“), В. Карагичева, К. Сараджева, Юг. Паульсена, и др. Впервые опубликованъ рядъ писемъ Н. А. Римскаго-Корсакова и Вас. Калинина. Въ каждомъ № постоянные отъѣлы: „Музыкальная недѣля“ (календарь), „Музыкальная память“. Критика.—Хроника.—Библиографія.—Тексты для музыки.—Иллюстраціи (впервые опубликованный портретъ А. Н. Скрябина, работы академика Л. Пастернака, старинный портретъ Римскаго-Корсакова и др.).—Карикатуры. Въ ближайшихъ №№ музыки предположены статьи: Вольфинга, Бориса Попова, Владимира Метцля (Берлинъ), М.-D Calvoogressi (Парижъ), М. Кузмина, А. В. Гольденвейзера („Левъ Толстой и музыка“), Ал. Койранскаго („Оперная сцена съ точки зрѣнія художника“) и мн. др. Въ Москвѣ розничная продажа №№ музыки, кромѣ главной конторы, музык. магаз. и газетн. кіоск., производится также на всѣхъ значительныхъ симфоническихъ и камерныхъ концертахъ въ залахъ Благороднаго собранія и консерваторіи. Объявленія въ Музыку, по цѣнѣ: строка нонпарели на обложкѣ 60 коп. и внутри книжки 50 коп.,—принимаются въ конторѣ Музыки. (Москва, Остоженка, Троицкій пер., д. 4, кв. 1, телеф. 210—98), а также въ конторѣ Л. и Э. Метцль и во всѣхъ ея иногороднихъ и заграничныхъ отдѣленіяхъ. Редакторъ-издатель Вл. Держановскій.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Семилѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березины именины“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Шапиръ Н. Л. „Люди и звѣри“. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Франсъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-ье. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. Н. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манасеяна Н. И. „Овсянки“. Пять рассказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Соловьева П. С. „Жизнь Хитролыса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Рабъ. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Новый годъ“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шведеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

6-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, путешествія, біографіи, историческія статьи, стихи, театральныя пьесы, научныя статьи, вѣсти отовсюду, юмористическіе рассказы и стихи, смѣшныя картинки, ребусы, шарады и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **3 руб.**
съ пересылкой и доставкой

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1910 гг. Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всехъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ 497—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манаскина.*

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается **20** коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается **40** коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.